

УДК 81

UDC 81

10.00.00 Филологические науки

Philological Science

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКИ В ТЕКСТАХ РОМАНОВ
ФАНТАСТИЧЕСКОГО ЖАНРА**

**STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF
DEMONOLOGICAL VOCABULARY IN THE
TEXTS OF FANTASTIC NOVELS**

Новикова Дарья Константиновна
аспирантка
la_perla_negra@inbox.ru
*Северо-Кавказский Федеральный университет, г.
Ставрополь, Россия*

Novikova Daria Konstantinovna
Postgraduate student
la_perla_negra@inbox.ru
North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

В статье рассматривается структурно-семантическая специфика демонологической лексики на материале фантастических романов русской, английской и испанской лингвокультуры. Анализируются различные классификации исследователей, занимающихся систематизацией демонологической лексики с учетом комплексного подхода к ее изучению, включающего в себя системно-функциональный, функционально-прагматический, ономазиологический, когнитивный, психолингвистический и этнолингвистический подходы. Приведенные классификации в большей степени построены по принципу мотивированности и отражают ономазиологический аспект исследования демонологической лексики. Важное исследовательское внимание уделяется отобъектным и отсубъектным принципам номинации. Дается трактовка понятия «демонология» в гуманитарной парадигме знания с точки зрения разноплановых наук: философии, фольклористики, литературоведения. Рассматривается трактовка «демонологемы» и дается рабочее определение самой «демонологической лексики». Приводится классификация демонологической лексики по принципу монолексем – корневых и производных, словосочетаний и комплексов, номинирующих персонажей демонической сферы. Устанавливаются также идиостилевые авторские особенности художественного текста

The article examines the structural and semantic specificity of demonological vocabulary on the material of fantastic novels in Russian, English and Spanish linguocultures. We have analyzed different classifications of scientists devoted their work to the systematization of demonological lexis together with the complex approach of its study such as systemic-functional, functional-pragmatic, onomasiological, cognitive, psycholinguistic, ethnolinguistic methods. The given classifications are mostly based on motivation and reflect onomasiological approach of demonological lexis. The great attention is given to “objective” and “subjective” methods of nominating. It is shown the definition of “demonology” from scientific points of view – philosophic, folkloristic, literal. We have also given the definition of “demonologeme” and the term of “demonological lexis”. We give classification of monolexems, doublelexems, word complexes and derivatives nominating characters of demonic sphere, and we also set stylistic authoring features of a literary text

Ключевые слова: ДЕМОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА, ДЕМОНОЛОГИЯ, СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, МОНОЛЕКСЕМЫ, ПРОИЗВОДНЫЕ, УЗУАЛЬНЫЕ, ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ, РЕФЕРЕНЦИЯ, ДЕНОТАТ, АТРИБУТИВНАЯ СВЯЗЬ

Keywords: DEMONOLOGICAL VOCABULARY, DEMONOLOGY, STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES, MONOLEXEMS, DERIVATIVES OF USUAL, OCCASIONAL PHRASES, REFERENCE, DENOTATION, ATTRIBUTE RELATIONSHIP

DOI: 10.21515/1990-4665-125-037

В настоящее время возрос интерес к изучению народной сакральной культуры в различных ее проявлениях – в представлениях о сверхъестественной силе, в лексике и фразеологии народных праздников, верований, обрядов, толкований Добра и Зла. Писатели часто используют в своих произведениях мотивы, связанные с «нечистой силой», включают в систему литературных героев демонологических персонажей, тем самым реализуя свои представления о потустороннем мире и конституируя фантастические параметры художественной картины мира. Задача данной статьи – установить структурно-семантические особенности демонологической лексики в художественном пространстве трех лингвокультур: русской, английской и испанской. Материалом для исследования послужили романы отечественного автора В. Орлова «Альтист Данилов», американского У. Хьюитса «Падший ангел» и испанского А. Перез-Реверте «Клуб Дюма, или Тень Ришелье».

Интерес к изучению структурно-семантических особенностей демонологической лексики обусловлен несколькими факторами. Во-первых, её особым характером, заключенным в специфическом денотате, который не закреплен за вербальным обозначением предмета или явления, поскольку демонологема (единица анализа данной лексики) лежит за пределами реально обозначаемого и выступает в качестве виртуальной номинации того или иного мифического персонажа посредством образной проекции сознание людей. Во-вторых, демонологическая лексика позволяет проникнуть в самую суть национальной культуры, в сферу вымышленного, отражающего архетипическое в национальном сознании народов на протяжении многих веков. В-третьих, само концептуальное понятие «демонология» нуждается в более глубоком исследовании в лингвокультурологическом ракурсе на материале разноязычных произведений, формирующих в жанрово-фантастическом плане единое текстовое пространство.

В гуманитарной парадигме знания понятие «демонология» трактуется отечественными и зарубежными лингвистами неоднозначно. Так, например, в фольклористике под демонологией понимается «круг мифологических поверий, отражающий характер взаимоотношений человека со сверхъестественными силами» [1, 54]. В философском аспекте англичанка Дж. Блэр приводит совершенно не характерную для русскоязычного сознания трактовку данного понятия: «вера, которая является частью продвинутого уровня анимизма – существования злых духов, которые в той или иной мере ответственны за несчастья, обрушивающиеся на людей» («it as 'the belief which is a part of advanced animism – that there exist evil spirits which are more or less responsible for the misfortunes which assail men») [11, 14].

В литературоведческом плане большой акцент делается на представлении образа дьявола в пространстве художественных текстов таких писателей, как Э.Т.А. Гофман, Ф. Клингер, И.В. Гете, Г.Гейне, при этом восприятие инфернального начала каждым создателем текста происходит в рамках его индивидуальной когнитивной системы и творческого мировидения.

Сложность в определении однозначного понятийного аппарата демонологии заключается в особой референции её составляющих, то есть компонентов, входящих в область исследования – явлений, реалий, событий, персонажей, ассоциирующих в обыденном сознании народа со сверхъестественными силами или с нечистью. Поэтому, представляя собой особую группу номинативных единиц, демонологическая лексика (безреферентная, т.е. не имеющая реального объекта) может быть классифицирована и структурирована исключительно на субъективном суждении исследователей и результатах «комплексного описания всего языкового материала с использованием как собственно лингвистических

принципов и методов, так и аппарата смежных с лингвистикой направлений» [4, 176].

Следовательно, комплексный подход к классификации демонологической лексики (под которым в данной статье понимается система моделей изучения языковых единиц в разноплановых аспектах их функционирования: системно-функциональном, функционально-прагматическом, ономаσιологическом, когнитивном, психолингвистическом и этнолингвистическом) является научно обоснованным. Однако, наиболее эффективными принципами описания исследуемой лексики можно считать *ономаσιологический*, основанный на описании групп имен через способы и средства номинации путем отнесения их к определённом ономаσιологическому типу; *психолингвистический*, построенный на создании ассоциативно-семантических полей с ядром и периферией; *этнолингвистический*, в основе которого лежат не только лингвистические данные, а также этнографические, культурологические, фольклорные, эстетические и диалектологические механизмы отражения национально-культурных стереотипов и верований. Изучение отобранной нами демонологической лексики производится в рамках художественного текста и во многом обусловлено жанрово-стилевой спецификой и индивидуально-авторской интерпретацией изображаемого мира.

Комплексное исследование демонологической лексики предполагает выборку определенных номинативных единиц, соответствующих конкретным критериям. Так как под демонологической лексикой мы подразумеваем номинации мифологических персонажей ассоциативно-семантического поля «нечистая сила» (или, демонологемы), то, соответственно, в первую очередь, исследовательский интерес представляют аспекты и признаки называемых предметов, обозначающих вымышленных существ. Поэтому возникновение номинативных единиц,

по мнению М.Э. Рут, это сфера приложения языка, устанавливающая связь внеязыковых и языковых представлений, в которой «действительность получает свое языковое воплощение, реальный образ становится источником языковой образности и раздвигаются рамки языковой системы» [6, 14].

В гуманитарной парадигме знания неоднократно предпринимались попытки классификации и исследования демонологических персонажей. Так, в мифологии и фольклористике общепризнанной можно считать классификацию И.Н. Виноградовой на материале русских мифологических поверий, быличек, суеверных рассказов, сказок, также данных заговорных формул, заклинательных и магических приговоров, народной терминологии и фразеологии, обрядов и обычаев, текстов суеверных запретов и предписаний жителей Нижнего Поволжья [1, 7]. В работе осуществлена систематизация номинаций мифологических персонажей онтологического характера без учета структурной составляющей каждой лексемы, иными словами, по мотивированности. Слово становится мотивированным, согласно определению И.С. Улуханова, когда соблюдаются следующие свойства его значения: «оно полностью входит в значение мотивированного слова и в наименьшей степени по сравнению с другими словами с тем же корнем отличается от значения мотивирующего» [9, 84]. Данная классификация представляет собой шкалу номинаций между крайними единицами оппозиции «человек» - «нечеловек» (демон), согласно которой ближе всего к левому (человеческому) полюсу расположены:

- 1) мифологические образы людей, имеющие сверхъестественные способности – гадалки, ворожеи, шаманы и т.п.;
- 2) жертвы воздействия нечистой силы – бесноватые, одержимые;
- 3) временно похищенные нечистой силой и превращенные в животных – оборотни, невидимки, подменыши;

- 4) люди – «двоедушники» - обладают второй душой от демона;
- 5) вступившие в связь с нечистой сознательно – колдуны, ведьмы, волшебники;
- 6) души умерших родственников – духи, призраки;
- 7) вредоносные покойники – зомби, ходячие мертвецы, приведения колдунов и ведьм, самоубийцы;
- 8) умершие люди и превратившиеся в мифологического персонажа – русалка, леший, домовой, вампир;
- 9) бесы (черти) [Виноградова, 21].

Последняя группа, по замечанию исследователя, может замещать любой демонологический образ из восьми вышеназванных, выступая в роли обобщенной фигуры представления любого персонажа нечистой силы.

Можно констатировать, что приведенная выше классификация построена по принципу «демоничности» (степени мифологичности) в отношении человека и степени выраженности вредоносных способностей. Эта систематизация кажется нам научно значимой и практически применимой при классифицировании демонологической лексики из изучаемых нами художественных текстах, так как образы и воплощения мифологических персонажей сконцентрированы вокруг человека (главного действующего лица романов). Достоинством разработанной Л.Н. Виноградовой этнолингвистической модели, ориентированной на интерпретацию демонологических персонажей, является то, что она учитывает обширный сакрально-культурный контекст, охватывает все возможные модификации мифологических персонажей, представленные в фольклорных материалах, специализированных словарях, кинофильмах, сказках и телевизионных псевдохрониках. Схема описания мифологических персонажей отличается детальностью, так как охватывает разные сферы представления и функционирования нечисти:

интерпретацию, ипостась, внешний вид (статус, первое впечатление), атрибуты (спутники), взаимоотношения (иерархия и поведение между собой), генезис (демонологизация покойников, живых людей), локусы (место обитания и действия) время действия, пристрастия, привычки поведения, функции (вредить, помогать, наказывать) и др. [1, 80].

Лингвистический принцип систематизации реализован И.В. Кириловой, которая полагает, что наиболее актуальными и когнитивно обусловленными способами номинирования любых мифологических персонажей могут быть следующие мотивационные признаки, которые представляют интерес для нашего исследования:

- по внешнему виду,
- по времени появления нечистой силы,
- по звуку, издаваемые нечистой силой,
- по способу передвижения в пространстве,
- по месту обитания,
- по действию [4, 178].

Реализованные по данным основаниям номинации относятся к разряду отобъектных, то есть отражают общепринятые признаки существ и базируются на конкретных свойствах предмета [6, 21]. Существуют и отсубъектные номинации, в отношении которых Л.Н. Виноградова отмечала, что суть таких номинаций заключается в проекции человека на мифологический персонаж и непосредственной связи живого существа с нечистью [1, 74].

В структурном плане демонологическая лексика нашей картотеки представлена в основном монологемами (т.е. номинациями, состоящими из одного слова) или производными, а также словосочетаниями и номинативными комплексами. Под производными, вслед за Е.С. Кубряковой, мы понимаем аффиксальные образования, сложные слова, аббревиатуры и конвертированные единицы, которые могут быть также

представлены линейными (построенные на сложение определенных словообразовательных элементов) и нелинейными (не имеющие цепочного их структурного аналога) моделями [3, 24, 59]. В морфологическом плане данная систематизация соответствует делению единиц на одноморфемные, одночастные и многоморфемные (двух-, трехчастные) производные. Как показал анализ, демонологемы, включенные в нашу картотеку демонологической лексики, сформированы в основном по принципу вторичного образования, семантически наполнены за счет внутренней формы и языкового содержания носителей данной языковой культуры.

Известно, что моноксеммы демонологической сферы отличаются отсутствием референции, поэтому апеллируют к языковому сознанию и когнитивной памяти носителей языка, в силу чего процесс их создания в лексиконе народа происходит за счет метафорического и метонимического переноса и в значительной степени эфемизируется. Приведенная И.В. Кириловой классификация моно-демонологем, получила свое подтверждение в картотеке нашего исследования, в первую очередь, в русскоязычном романе В. Орлова «Альтист Данилов», примеры из которого приводятся в качестве иллюстративного материала:

- номинации, образованные от глаголов: *ведьма, удушенник*;
- номинации, образованные от прилагательных с помощью суффиксов от словообразовательных значений: *леший*;
- номинации, образованные от существительных со значением обитания: *домовой, водяной*;
- существительные женского рода: *русалка, нимфа* [2, 59-61].

Классификация может быть дополнена группой индивидуально-авторских номинаций демонологических персонажей: *вольтеранец, волопас, глира, холобуд*. Можно констатировать, что данные демонологемы относятся к классу существительных и образованы

изначально от разных частей речи (глаголов и прилагательных) в соответствии со словообразовательными возможностями русского языка.

Ценным для нашего исследования оказалась комплексная классификация лексических единиц, осуществленная К.К. Шариповым по микрополям, обозначающих имена демонов, дьявола, имена духов и богов, полубогов и божеств в положительном и отрицательном ключе. В ходе исследования изученной лексики, был произведен структурный анализ мифологической лексики по трем уровням: лексическому, с выделением корневых и производных слов, синтаксическому (двусоставные, многосоставные словосочетания) и фразеологическому (номинативные, номинативно-коммуникативные и коммуникативные фразеологические единицы). К мифологической лексике были отнесены «лексические единицы со значением ирреальности с учётом их дифферентов на различных уровнях языковой иерархии», извлеченные из лексикографических источников и художественных произведений английских, американских и узбекских авторов X столетия [10, 5].

Особую, прагматически значимую группу во всех классификациях занимают словосочетания, подразделяющиеся на свободные и несвободные. К свободным словосочетаниям относится огромное число номинативных единиц, имеющих под собой разнообразные способы референции и объединенных между собой как по синтагмо-парадигматическому принципу, так и по индивидуально-авторским интенциям. Согласно данным нашей картотеки, самым распространенным видом синтагматических отношений является атрибутивная связь, которая и дает прагматически отмеченные словосочетания [7, 147], выполняя оценочно-характерологическую функцию. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, именно атрибутивная связь как вид синтаксической связи выражает высшую степень спаянности между членами предложения,

наиболее полно раскрывая квалификативные отношения между лексемами [8, 6].

Данные сочетания широко представлены в нашем исследовательском материале следующими моделями: «прилагательное + существительное» *демоническое состояние, satanic symbol – сатанинский символ* в русско- и англоязычной лингвокультурах и «существительное + прилагательное» *lobo cruel – суровый волк, ojos verdes cristales – прозрачные зеленые глаза* в испаноязычном. Концептуально значимыми для интерпретации индивидуально-авторский художественной картины мира являются окказиональные словосочетания, представляющие собой результат креативной деятельности писателя и доказывающие то, что они действительно «свободны» и «социолингвистически обусловлены, передают интеллективную функцию и эмоционально-экспрессивно-оценочно окрашены, чтобы воздействовать на окружающих» [там же, 7]. В данном случае, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, происходит выход языковой системы на метасемиотический уровень исследования. Следует отметить также и тот факт, что всякое словосочетание, даже полностью узуальное, всегда обусловлено временем, пространством, было порождено в определенный исторический момент с определенными целями и «абсолютной свободой» не может обладать, так как погружено в пространство художественного произведения, что уже автоматически делает его «несвободным» [там же, 8].

В процессе анализа нашей исследовательской картотеки были установлены структурно-семантические особенности демонологической лексики в текстовом пространстве романов А. Перез-Реверте “El club Dumas o La sombra de Richelieu” («Клуб Дюма, или Тень Ришелье») и У. Хьюэртсберга “Falling angel” («Падший ангел»). В картотеке были выделены *монологемы* (узуальные, корневые и окказиональные, производные) номинирующие мифологических персонажей как

однозначно, так и косвенно, т.е. образно, маркируя при этом отношение писателей к «потустороннему миру» или к явлениям, связанным с ним и разноструктурные *словосочетания* и *комплексы*. Таким образом, демонологическая лексика представлена в рассматриваемых романах номинациями следующих видов, которые приводятся далее с учетом их частотности и функциональной активности.

1. Монолексемы:

Как в английском, так и в испанском языках в основном обладают номинативной функцией, обозначая демонологических персонажей и называя главных действующих лиц в исследуемых романах:

1.1. Корневые: англ. *Beelzebub* – Вельзевул, *Satan* – сатана, *Leviathan* – Левиафан, *hell* – ад, *shadow* – мрак, *superstition* – суеверие, *diablo* – дьявол, *Lucifer* – Люцифер, испан. *tinieblas* – мрак, тьма, *inferno* – ад, *siniestro* – зло, *ángel* – ангел, *dios* – бог, *arcángel* – архангел, *un dragón* – дракон;

1.2. Производные: испан. *maldito* – проклятый, *infernál* – адский, *diabólica* – дьявольский, *osulta* – окультный, *misterioso* – мистический, англ. *alive or dead* – живой или мертвый;

Производные монолексемы в большей мере представляют собой атрибутивные характеристики в английском языке, описывая признаки и назначения отдельных предметов или явлений, связанных с потусторонними силами. В испанской же лингвокультуре имена прилагательные могут выступать в качестве субстантивированных единиц и также номинировать героев по их предназначению.

1.3. Сложные слова: англ. *gypsy-fortune-teller* – предсказательница; *blood-red* – кроваво-красный, зафиксированные в английском тексте и нехарактерные для испанского языка.

2. Словосочетания:

2.1. Двусоставные, образованные по модели: прилагательное + существительное (в английском языке), существительное + прилагательное (в испанском языке): англ. *leftover curse* – незаконченное проклятье, *blood-red rosebud* – кроваво-красный бутон, испан. *rastos diabolicos* – дьявольские пакты, *magia negra* – черная магия, *diablo enamorado* – влюбленный дьявол, *arcángel vengador* – мстящий архангел, *pálido sangre* – бледная кровь;

Прагматически отмеченными можно считать сочетания, образованные по модели: существительное + прилагательное (в английском языке) и прилагательное + существительное (в испанском языке): англ. *his eyes a distant, ethereal blue* – его глубокие и неземные глаза, *the hall, dark* – темный зал, испан. *siniestro agente* – агент зла/ злобный аген), *misterioso visitante* – мистический посетитель, *misterioso pentaculo* – мистический пентакль, *en rojo sangre* – красный как кровь. Большое количество словосочетаний, представленных в текстовом пространстве романов, помимо атрибутивной функции, обладают значительной экспрессивностью и делают индивидуально-авторский стиль уникальным и неповторимым.

2.2. Многосоставные, образованные по модели: существительное + of (de) + существительное или существительное + as...as + прилагательное (только в английском языке): англ. – *instruments of evil* – инструмент зла, *signatures of seven demons*, *voice as sweet as angel's* – ангельский голосок, испан. – *magistral de las sombras* – князь тьмы, *las sesiones de espiritismo* – сеансы вызова духов, *al señor de las tinieblas* – господин тьмы, *la chica de los ojos verdes* – девушка с зелеными глазами, *reino de las sombras* – царства тене.

Прагматически значимыми можно считать индивидуально-авторские образования, которыми являются маркером идиостиля У. Хьюэртсберга и А. Перез-Реверте: англ. *gold signet ring engraved with a five-pointed star* –

золотой перстень с гравировкой в виде пятиконечной звезды, *coiled serpent with the head of a crowing rooster* – спиральная змея с головой кукарекающего петуха, испан. *la serpiente ouróboros* – змея Уроборос, *Nueve Puertas* – Девять Врат;

3. Комплексные наименования акциональной семантики, которые переводятся на русский язык фразеологическими оборотами с утратой демонологического компонента: англ. *escaped with serious injuries* – выбраться из могилы, испан. *formas de vender el alma* – продать душу дьяволу, *no tiene riñetera gracia* – чертовски не хочется благодарить, *conjurar los espectros de sus libros perdido* – вызвать призраков своих потерянных книг.

В отношении продуктивности авторского языкотворчества, мы разделяем мнение С.Г. Тер-Минасовой в том, что «творчество художников слова, т.е. область художественной литературы, является не просто оправданным, а удовлетворяет растущие и изменяющиеся потребности общества... В процессе художественного творчества писатель, стремясь произвести определённый стилистический эффект, поразить читателя, создать в его воображении образную картину мира, сочетает, сталкивает слова самым неожиданным образом» [8, 38-39]. Что касается словосочетаний естественного или узуального вида (имеющих референтов), то они используются для номинации закономерных, общепринятых и понятным всем носителям языка, что свидетельствует о достаточной их устойчивости. В отношении же номинативных единиц и комплексов, номинирующих различные феномены ирреальности, то отсутствие денотата затрудняет процесс вхождения подобных номинации в разряд устойчивых ввиду значимости художественного индивидуально-авторского осмысления изображаемых ирреальных миров. Однако, под влиянием экстралингвистических факторов и взаимодействия разных наук (лингвистики и психологии, фольклористики и эстетики, философии

и литературоведения) в языке все время происходит «собственно языковое сближение и отталкивание лексических единиц», а коннотативные словосочетания из художественных текстов переходят в узуальное пользование носителями языковой культуры и затем «кочуют» из одной области знаний в другую, подвергаясь исследованиям и классификации. Но однозначным и научно бесспорным остается факт того, что метасемиотические словоформы художественной литературы служат речевой характеристикой персонажа, выражают мирозерцание автора, его позицию, оценку событий и формируют отношение адресата к тексту [там же: 111, 118]. Иными словами, каждый художественный текст представляет собой особую индивидуально-авторскую ассоциативно-семантическую сеть, иерархически простроенную, которая дает нам представление о доминантных смыслах литературных произведений.

Литература:

1. Виноградова Л.Н. Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения: дис. в виде науч. докл. ... д. ф. н. 10.01.09 – М.: РИГУ, 2001. – 95 с.
2. Кирилова И.В. Семантическое поле «нечистая сила»: лингвокультурологический аспект: дис. к.ф.н.10.02.01 – Екатеринбург: УГПУ, 2011. – 170 с.
3. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. – М.: Изд-во «Наука», 1965. – 78 с.
4. Кузнецова И.В. Семантика демонологемы в русском языковом сознании // Л 59 Известия УрГПУ. Лингвистика. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та. – Выпуск № 16. – 2005. – С. 176-182.
5. Орлов В. Альтист Данилов. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 504, [8] с.
6. Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с.
7. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка. – Изд. 2. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – С. 147.
8. Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах: Учебное пособие, изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 152 с.
9. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
10. Шарипов К.К. Структурные и функционально-семантические особенности мифологической лексики в языках различных систем: дис. к.ф.н.10.02.20 – Худжанд: ХГУ, 2005. – 141 с.

11. Blair Judit M. De-demonising the Old Testament: An Investigation of Azazel, Lilith, Deber, Qeteb and Reshef the Hebrew Bible. – Edinburgh: University of Edinburgh, 2008. – 287 p.
12. Perez-Peverte A. El club Dumas o La sombra de Richelieu. – Barcelona: Círculo de Lectores, 1995. – 268 p.
13. Hjortsberg W. Falling Angel. – New York: Open Road Media, 2012. – 264 p.

References

1. Vinogradova L.N. Slavjanskaja narodnaja demonologija: problemy sravnitel'nogo izuchenija: dis. v vide nauch. dokl. ... d. f. n. 10.01.09 – M.: RIGU, 2001. – 95 s.
2. Kirilova I.V. Semanticheskoe pole «nechistaja sila»: lingvokul'turologičeskij aspekt: dis. k.f.n.10.02.01 – Ekaterinburg: UGPU, 2011. – 170 s.
3. Kubrjakova E.S. Chto takoe slovoobrazovanie. – M.: Izd-vo «Nauka», 1965. – 78 s.
4. Kuznecova I.V. Semantika demonologemy v russkom jazykovom soznanii // L 59 Izvestija UrGPU. Lingvistika. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta. – Vypusk № 16. – 2005. – S. 176-182.
5. Orlov V. Al'tist Danilov. – M.: Astrel': AST, 2010. – 504, [8] s.
6. Rut M.Je. Obraznaja nominacija v russkom jazyke. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1992. – 148 s.
7. Smirnickij A.I. Sintaksis anglijskogo jazyka. – Izd. 2. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. – S. 147.
8. Ter-Minasova S.G. Slovosochetanie v nauchno-lingvisticheskom i didakticheskom aspektah: Uchebnoe posobie, izd. 3-e. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. - 152 s.
9. Uluhanov I.S. Slovoobrazovatel'naja semantika v russkom jazyke i principy ee opisaniya. Izd. 3-e, stereotipnoe. – M.: Editorial URSS, 2004. – 256 s.
10. Sharipov K.K. Strukturnye i funkcional'no-semanticheskie osobennosti mifologičeskoj leksiki v jazykah razlichnyh sistem: dis. k.f.n.10.02.20 – Hudzhand: HGU, 2005. – 141 s.
11. Blair Judit M. De-demonising the Old Testament: An Investigation of Azazel, Lilith, Deber, Qeteb and Reshef the Hebrew Bible. – Edinburgh: University of Edinburgh, 2008. – 287 p.
12. Perez-Peverte A. El club Dumas o La sombra de Richelieu. – Barcelona: Círculo de Lectores, 1995. – 268 p.
13. Hjortsberg W. Falling Angel. – New York: Open Road Media, 2012. – 264 p.